

О ТАКЪ НАЗЫВАЕМЫХЪ

БАРБАРИЗМАХЪ

въ русскомъ языкѣ.

Мм. Гг.!

Всѣмъ вамъ, несомнѣнно, извѣстенъ отвѣтъ, который далъ одинъ древній мудрецъ на вопросъ: „Почему человѣкъ имѣетъ два уха и только одинъ ротъ?“ — „Затѣмъ,“ сказалъ философъ: „чтобы больше слушать, а меньше говорить.“ Такъ говорилъ 23 столѣтія тому назадъ греческій мудрецъ своимъ словохотливымъ слушателямъ. Уже тогда, значитъ, замѣтили злоупотребленіе этою, свойственною одному только человѣку способностію словесно выражать свои мысли. Но что сказалъ бы этотъ философъ теперь, когда люди для выраженія своихъ мыслей далеко не довольствуются обильными сокровищницами родного языка, а заимствуютъ еще десятки тысячъ словъ чужихъ, иностранныхъ, которыя уже въ древности очень мѣтко назвали *барбаризмами*? — Сомнѣнія нѣтъ, что онъ не одобрилъ бы такого излишества въ языкѣ.

Посмотримъ же, какъ появились барбаризмы.

Языкъ служитъ выраженіемъ духовной жизни народа; это сокровищница его познаній, облеченныхъ въ соотвѣтствующую звуковую форму. Языкъ постоянный спутникъ человѣка: родившись лишь съ извѣстными задатками воспріятія и съ нѣкоторыми прирожденными идеями, человѣкъ по мѣрѣ знакомства съ внѣшнимъ міромъ и съ своими душевными состояніями, начинаетъ мало по малу, усваивая форму предметовъ, запоминать и ихъ названія, изобрѣтенныя предшествовавшими ему поколѣніями. Такъ бываетъ съ ребенкомъ. Но нѣчто подобное происходитъ и со взрослымъ. Человѣкъ постоянно находится въ сношеніяхъ

съ другими людьми, вызванныхъ мирными или враждебными отношеніями. Тутъ онъ узнаётъ и новые предметы, произведенія природы еще неизвѣстной страны или новыя отрасли искусства, произведенія рукъ человѣческихъ. Начинается сравненіе новаго предмета съ извѣстными уже, чтобы дать ему соотвѣтствующее названіе; человѣкъ начинаетъ усваивать незнакомую ему науку, или заимствуетъ у другого народа неизвѣстное ему изобрѣтеніе,—и вотъ, видя, что для новой науки или новаго предмета нѣтъ соотвѣтствующаго названія въ его родномъ языкѣ, заимствуетъ и готовое, сложившееся въ чужомъ языкѣ имя. Пояснимъ это примѣромъ. Появляется у арабовъ особая наука алгебра; сначала народы Западной Европы, а затѣмъ и русскіе при посредствѣ ихъ заимствуютъ эту науку у арабовъ; но не находя ничего подобнаго у себя, удерживаютъ и арабское ея названіе, замѣнивъ при томъ названія уже извѣстныхъ дѣйствій этой науки соотвѣтствующими ариѳметическими терминами сложенія, вычитанія, дроби и т. д. Съ другой стороны изобрѣтаютъ въ Западной Европѣ телефонъ; русскіе заимствуютъ это изобрѣтеніе и вмѣстѣ съ нимъ его международное названіе. Такъ что появленіе въ языкѣ иностранныхъ словъ (барбаризмовъ) съ указанной стороны — явленіе вполнѣ естественное, свидѣтельствующее о мирномъ общеніи людей и взаимномъ обмѣнѣ понятій. Но привитіе иностранныхъ словъ совершается еще и при другихъ условіяхъ: иногда случается, что одинъ народъ поддается чрезмѣрному вліянію силы или ума другого народа, и либо по необходимости, либо изъ уваженія, а иногда просто изъ подражанія начинаетъ заимствовать у этого народа и его слова. Таково происхожденіе иностранныхъ словъ въ языкѣ вообще.

Теперь посмотримъ при какихъ условіяхъ появились иностранныя слова въ языкѣ русскомъ.

Русскій языкъ, одинъ изъ старшихъ братьевъ славянской семьи языковъ, развиваясь вмѣстѣ съ народомъ, въ устахъ котораго онъ звучитъ, пережилъ въ своемъ историческомъ ростѣ нѣсколько стадій: при встрѣчѣ съ другими націями народъ русскій, въ особенности его образованная часть, заимствовалъ множество словъ, которыя болѣе или менѣе тѣсно сроднились съ его языкомъ. Подобныя заимствованія происходили во всякое время, по мѣрѣ знакомства съ новыми предметами, но можно отмѣтить эпохи, когда съ заимствованіемъ цѣлыхъ сферъ идей вносятся цѣлые

разряды словъ. Прежде всего русскій языкъ подвергся хотя и незначительному вліянію норманскому (*). Такъ несомнѣнно у норманновъ заимствованы: ***вира***, ***тіунъ***, ***гридень***, ***витязь***, а можетъ быть и ***князь*** и нѣсколько другихъ словъ. Но эти заимствованія были столь незначительны, что остались почти незамѣтными въ общемъ строю языка. Болѣе широкимъ потокомъ влились въ русскій языкъ слова греческія. Принявъ въ X вѣкѣ христіанство изъ Византіи, русскій народъ сразу столкнулся со множествомъ неизвѣстныхъ ему дотолѣ предметовъ и понятій; и такъ какъ языку трудно было развиваться одновременно съ идеями, то онъ начинаетъ пользоваться самымъ легкимъ способомъ обогащенія, просто заимствуя слова изъ чужого языка. При этомъ онъ поступаетъ троякимъ способомъ: или заимствуетъ слова безъ всякой перемѣны (кромѣ, конечно, окончанія): ***икона***, ***лента***, ***библія***; или передѣлываетъ ихъ по своему: ***кадило***, ***палой***, ***исполать*** (εἰς πολλὰ ἔτη), ***пономарь*** (παραμονάριος), ***известь*** (ἄσβεστος), ***уксусъ*** (ὄξος), ***сорокъ*** (новогреч. σαράκοντα); или буквально переводитъ иностранное выраженіе словомъ, составленнымъ по чужому образцу: ***любомудріе***, ***священнослужитель***, ***провидѣніе***, ***благословлять***. Кромѣ внесенія отдѣльныхъ словъ греческій языкъ оказалъ не малое вліяніе и на синтактическій строй нашего языка, давъ первые образцы расположенія и управленія словъ въ переводѣ книгъ св. писанія. Далѣе, уже при началѣ государства въ IX вѣкѣ русскій народъ пришелъ въ столкновеніе съ восточными кочевниками, которые самый страшный ударъ нанесли ему въ лицѣ татаръ. Тогда и языкъ внесъ въ свою сокровищницу не мало словъ восточныхъ. Уже въ былинахъ мы встрѣчаемъ слова, въ родѣ ***чемоданъ***, ***кинжалъ***, ***чердакъ*** и под. Не мало также восточныхъ словъ мы читаемъ и въ Словѣ о полку Игоревѣ: ***жемчугъ***, ***харалугъ***, ***япончица*** и т. д. Нѣкоторыя изъ татарскихъ словъ теперь совершенно обрусѣли: ***аршинъ***, ***кафтанъ***, ***сапогъ***, ***ярлыкъ***, ***базаръ*** и мн. др. Слѣдующее за тѣмъ вліяніе, сильно отразившееся на языкѣ русскомъ, было западное, пришедшее

*) Я не буду проникать въ ту отдаленную глубь, когда всѣ славяне составляли еще одинъ народъ и могли дѣлать заимствованія у своихъ сосѣдей сообща: тогда наша замѣтка получила бы спеціальный характеръ, что не совмѣстно съ популярнымъ изложеніемъ въ нашей рѣчи.

сначала въ Кіевъ вмѣстѣ со схоластическою ученостью, а затѣмъ перенесенное въ Москву тѣми же схоластическими учеными. Но эти слова имѣли распространеніе лишь между людьми учеными. Самый же большій наплывъ западноевропейскихъ словъ въ нашъ языкъ былъ при Петрѣ Великомъ, когда Россія лицомъ къ лицу столкнулась съ западно-европейскимъ просвѣщеніемъ. Тогда стали заимствовать не только необходимыя слова для обозначенія предметовъ, не имѣющихъ въ русскомъ языкѣ соотвѣтствующихъ названій, но начали употреблять иностранныя слова безъ всякаго разбора и нужды. Примѣръ подавалъ самъ Великій преобразователь, который даже свое имя часто писалъ по-голландски. Тогда введены были такія слова, какъ ***баталія***, ***викторія***, ***фортеція***, ***амбиція***, ***имперіумъ*** и т. д. Даже новооснованные русскіе города одѣлись въ нѣмецкое платье и явились ***Петербургъ***, ***Кронштадтъ***, ***Ораніенбаумъ***, ***Катериногофъ***. Наплывъ иностранныхъ словъ не прекращался и въ послѣдующее время. Краснорѣчивымъ доказательствомъ этого могутъ служить тѣ толстые лексиконы иностранныхъ словъ, которые именуются полнѣйшими, заключающими въ себѣ 52 тысячи и больше иностранныхъ словъ.

При такихъ, слѣдовательно, условіяхъ иностранныя слова появились въ русскомъ языкѣ. Но нельзя сказать, чтобы всякое слово и во всякое время принималось охотно. При Елизаветѣ Петровнѣ главный протестъ противъ искаженія языка иностранными словами былъ заявленъ знаменитымъ М. В. Ломоносовымъ, который какъ на источникъ пополненія русскаго языка указалъ на языкъ словенскій. Но послѣдующіе писатели, неправильно понявъ мысль Ломоносова, впали въ другую крайность: излишне испещрили современную рѣчь славянизмами. Явилась партія, недовольная такою рѣчью, которая и бросилась въ новую крайность — къ непомѣрному заимствованію словъ изъ языковъ новыхъ, особенно французскаго. Началась борьба двухъ направленій — славяноманов и „французскаго штиля“ и побѣдительницей, хотя и послѣ значительныхъ уступокъ, вышла послѣдняя партія, во главѣ которой стоялъ даровитый писатель Карамзинъ. Онъ сталъ писать разговорнымъ языкомъ того времени, усвоивъ себѣ то изящество рѣчи, которому онъ научился у современныхъ европейскихъ писателей. Въ его время кромѣ многихъ словъ французскихъ, взятыхъ безъ всякаго измѣненія, составлено было по

образцу иностранныхъ много новыхъ, замѣнившихъ слова, которыя предлагалъ представитель славяномановъ адмиралъ Шишко́въ. Онъ напр. хотѣлъ ввести во всеобщее употребленіе ***баснословіе*** (миѳологія), ***добледушіе*** (героизмъ), ***лысто*** (голень), ***непщевать*** (предполагать), ***остъ*** (центръ) и под. Примѣромъ болѣе или менѣе удачно составленныхъ партіей Карамзина словъ могутъ служить: ***развитіе*** (developpment), ***утонченный*** (raffiné), ***трогательно*** (touchant), ***занимательно*** (intéressant) и др. Вліяніе Карамзина и его языка на нашу литературу утвердилось на довольно значительное время. Но вотъ въ началѣ (въ 20-хъ годахъ) нынѣшняго столѣтія являются поэты-художники, которые начинаютъ черпать обильный матеріалъ для своего языка изъ рѣчи народной (разумѣю Крылова, Грибоѣдова, Пушкина и слѣд.). Къ этому же времени принадлежитъ хотя и не знаменитый писатель и даже иностранецъ по происхожденію, но родившійся, получившій воспитаніе въ Россіи и истинно полюбившій свое новое отечество Владиміръ Ивановичъ Даль (род. 1801 г.). Онъ, изучивъ до тонкости народный языкъ, сталъ настаивать на необходимости очищенія русскаго языка отъ всякой иностранной примѣси, восполняя оставшіеся послѣ изгнанія иностранныхъ словъ пробѣлы словами народными. Такъ онъ совѣтовалъ переименовать ***горизонтъ*** въ за́вѣсъ, озо́ръ, ***атмосферу*** — въ колозе́мицу мироко́лицу, а своего брата ***пуриста*** въ чистяка.

Но возможенъ ли намѣченный Далемъ и другими пуристами идеалъ совершеннаго очищенія языка отъ примѣси словъ иностранныхъ?

Трудно сразу дать на этотъ вопросъ категорическій отвѣтъ (*). Конечно пуристы ратуютъ лишь противъ тѣхъ словъ, иностранное происхожденіе которыхъ очевидно всякому: никто напр. не станетъ нападать на слово хлѣбъ, хотя нѣкоторые онѣмеченные слависты и настаиваютъ на германскомъ его происхожденіи. Вообще пуризмъ можетъ имѣть да и имѣетъ законное мѣсто въ тѣхъ языкахъ, литература которыхъ еще находится въ зародышѣ, или недавно лишь возродилась послѣ продолжительнаго застоя. Мы дѣйствительно видимъ попытку изгнать иностранныя слова, даже научные термины въ языкахъ чешскомъ, хорватскомъ,

---

*) Для послѣдующаго изложенія главнымъ пособіемъ служило: Нѣсколько замѣчаній объ употребленіи иностранныхъ словъ Р. Брандта.

словенскомъ, верхнелужицкомъ. Такъ ***театръ*** по чешски назы-
вается divadlo (отъ divati se смотрѣть), ***химія***—lučba (отъ
lučiti соединять). У хорватовъ ***ботаника*** называется bilinarstvo
(отъ bilina растеніе, былинка), ***телеграфъ***—brzojav (отъ brzo
быстро и javiti—явить) и под. Но возможенъ ли такой край-
ній пуризмъ въ языкѣ съ богатою литературою, это—вопросъ,
который требуетъ болѣе обстоятельнаго разсужденія. Гоненіе
противъ словъ, хотя и чужихъ, но уже сжившихся съ языкомъ,
пропитавшихъ въ большей или меньшей мѣрѣ всѣ отрасли его
словесныхъ произведеній, слѣдуетъ признать попыткой невоз-
можной: всѣ свыклись съ этими словами, и если бы стали
изгонять ихъ изъ новыхъ книгъ и разговорной рѣчи, то все-таки
не могли бы уничтожить ихъ въ сочиненіяхъ прежнихъ. Мало
того, даже въ случаѣ удачной попытки изгнанія ихъ, пониманіе
книгъ, вышедшихъ въ предшествующее время, стало бы затруд-
нительнымъ. Другое дѣло тѣ слова, которыя, имѣя соотвѣтству-
ющіе двойники въ русскомъ языкѣ, на нашихъ глазахъ вно-
сятся въ литературу безъ всякой въ томъ надобности: ихъ
нужно всячески избѣгать. Языкъ нашъ теперь находится на
такой степени развитія, что онъ нисколько не уступаетъ язы-
камъ другихъ народовъ, и всякая новая идея, новое изобрѣ-
теніе, можетъ найти въ немъ соотвѣтствующее своей сущности
имя. Даже если бы такого имени и не нашлось, то все-таки
удобнѣе образовать новое слово изъ своихъ родныхъ элементовъ,
чѣмъ вносить чужое. Но образовывая новое слово не слѣдуетъ
поступать такъ, какъ дѣлаютъ очень многіе, буквально переводя
иностранныя слова: этотъ переводъ иногда выходитъ столь не-
уклюжимъ, что переводныя слова гораздо хуже иностранныхъ.
Таково напр. слово ***пу-те-ше-ствi-е*** (ὁδοποιία) при француз-
скомъ ***вояжъ***, неоднократно употребляемомъ въ извѣстномъ
сочиненіи Гончарова „Фрегатъ Паллада,“ или ***зе-мле-тря-се-нi-е***,
е-сте-ство-ис-пы-та-тель. Мнѣ скажутъ, что землетрясеніе
есть буквальный переводъ нѣмецкаго Erdbeben, а естествоиспы-
татель—Naturforscher, и какъ тамъ существуютъ Erdbeben,
Naturforscher, такъ и у насъ должны быть землетрясеніе,
естествоиспытатель. Оно такъ, мм. гг.; но дѣло въ томъ, что
нѣмецкій языкъ можетъ составлять какія угодно слова, въ родѣ
напр. Staatskanzleramt (должность государственнаго канцлера),
Fahrplansveränderung (измѣненіе расписанія поѣздовъ), Rothstift-

Bemerkungen (замѣчанія, писанныя краснымъ карандашемъ),
но „нашъ, по выраженію поэта, чудный, металльный, звонкій,
самогудный нашъ языкъ“ не можетъ механически склеивать
столь трудныхъ для произношенія словъ. Въ нѣмецкомъ языкѣ
непривлекательность формы искупается глубиною содержанія
такихъ словъ, но въ русскомъ языкѣ они ничего не стоятъ. Въ
сложныхъ словахъ нашего сладкозвучнаго, по выраженію Пуш-
кина, языка вторая часть принимаетъ такую форму, въ какой
она въ отдѣльности не употребляется. Возьмемъ примѣры:
землеройка, ***молокососъ***, ***душегубъ***; вторая часть этихъ словъ
—ройка, сосъ, губъ—въ отдѣльности не существуетъ. Вотъ и
вмѣсто землетрясеніе, по образцу вышеуказанныхъ словъ, слѣ-
довало бы образовать—землетрясъ, вмѣсто естествоиспытатель—
естествопытъ (для чего, впрочемъ, въ студенческомъ мірѣ существу-
етъ болѣе удачное выраженіе—естественникъ). Конечно отъ ча-
стаго употребленія мы привыкли къ подобнымъ словамъ и они
перестали казаться намъ неуклюжими, тѣмъ болѣе, что такихъ
словъ у насъ масса: ***кораблекрушеніе***, ***виноторговецъ***, ***бла-
гоуханіе***, ***священнослужитель*** и т. д. Ужъ лучше брать
готовыя иностранныя слова, чѣмъ неправильно составлять свои.
Такія иностранныя слова имѣютъ даже нѣкоторое преимущество
передъ новосоставленными туземными, такъ какъ они, будучи
взяты для обозначенія одного опредѣленнаго предмета, стано-
вятся точнымъ обозначеніемъ выражаемаго этимъ предметомъ по-
нятія, даже болѣе опредѣленнымъ, чѣмъ на родной почвѣ.
Возьмемъ для примѣра нѣмецкое Zug; оно значитъ тяга, сквоз-
ной вѣтеръ, шествіе, поѣздъ и только ужъ въ концѣ концовъ
извѣстный способъ закладки лошадей; между тѣмъ по-русски оно
имѣетъ лишь послѣднее значеніе. Иногда еще и по другимъ
причинамъ неудобно переводить иностранныя слова: переводъ
не будетъ указывать на сущность предмета, а иногда даже
будетъ представлять предметъ слишкомъ простымъ, несложнымъ,
тогда какъ пониманіе его очень трудно.

Возьмемъ для примѣра телеграфъ: его переводъ будетъ
дальнописецъ—пи́съ; но это слово далеко не выражаетъ сущности
предмета и представляетъ его, не смотря на всю его сложность,
слишкомъ простымъ, какъ какое-нибудь дровосѣкъ. Если же мы
удержимъ международное слово телеграфъ какъ условное для
обозначенія названнаго прибора, то при неясности первоначаль-

наго смысла этого слова, оно будетъ хорошимъ названіемъ для нашего аппарата. Конечно грѣшно не переводить такихъ иностранныхъ словъ, какъ фотографія, удачный переводъ котораго —свѣтопись (*искусство*) и свѣтописня (*заведеніе фотографическое*)—вполнѣ будетъ обозначать сущность предмета. Особенно удобно сохраненіе иностранныхъ словъ въ качествѣ научныхъ терминовъ: какое-нибудь слово **синусъ**, **логика геометрія** имѣютъ опредѣленное условное значеніе, какого не можетъ имѣть ихъ дословный переводъ: заливъ (пазуха, изгибъ), словесность, землемѣріе.

Много я сказалъ за и противъ иностранныхъ словъ, но, мм. гг., какъ вы могли замѣтить, пока еще не высказалъ ничего опредѣленнаго, такъ что каждый въ правѣ спросить меня, какой собственно взглядъ относительно употребленія иностранныхъ словъ я хотѣлъ высказать. Вотъ этотъ взглядъ вкратцѣ, но болѣе точно я сейчасъ и изложу.

1. Не слѣдуетъ изгонять тѣхъ иностранныхъ словъ, которыя вошли во всеобщее употребленіе и не имѣютъ соотвѣтствующихъ русскихъ названій. Зачѣмъ напр. ратовать противъ словъ **калоши**, **театръ**, **бильярдъ**, **минута**, которыя употребляются даже простолюдинами, или **мастеръ**, **матерія**, **капиталъ**, **музыка**, **оказія**, **комиссія** и под.; но не слѣдуетъ прибѣгать къ иностраннымъ словамъ, когда есть болѣе точныя и понятныя слова собственныя. Зачѣмъ напр. иностранное **тезисъ**, когда есть русское положеніе, иностранное **монументъ**, когда мы имѣемъ памятникъ; къ чему французское **депо**, когда у насъ есть слово складъ; слѣдуетъ ли прибѣгать къ латинскому **абсурдъ**, когда у насъ есть около десяти однозначущихъ словъ: чушь, нелѣпость, нелѣпица, безтолочь, ахинея, безсмыслица и т. д.? не странно ли говорить: „въ подтвержденіе своей мысли онъ ссылается на слѣдующіе **аргументы**,“ когда у насъ есть выраженіе: „онъ приводитъ слѣдующія доказательства, доводы.“ Такія слова и обороты являются, можно сказать, по требованію моды, а отчасти отъ привычки нашей думать на иностранныхъ языкахъ и искать на своемъ выраженій для чужихъ мыслей. Эти заграничные цвѣты краснорѣчія употребляются въ рѣчи письменной. Но не мало также иностранныхъ словъ безъ нужды употребляется и въ рѣчи разговорной. Возьмемъ неуклюжее французское **мерси** вмѣсто благозвучнаго русскаго **спасибо**. Это слово дотого распространилось,

что даже прислуга, особенно въ городахъ, употребляетъ его всякій разъ, когда желаетъ щегольнуть своимъ образованіемъ. А возьмемъ слова **мосье**, **мадамъ**, **мадмуазель**—они такъ сжились съ разговорнымъ языкомъ, что если бы предложить вмѣсто нихъ говорить **сударь и сударыня**, то еще и теперь нашлось бы не мало такихъ людей, которые разсмѣялись бы отъ этихъ словъ, подобно гостямъ Павла Аѳанасьевича Фамусова. Мнѣ скажутъ, что наши вѣжливыя обращенія: **Господинъ такой-то**, **Милостивый Государь**, **сударь**, **Господинъ**, **Милостивая Государыня**, **сударыня**, **имя и отчество**—всѣ очень длинны, но кто же заставляетъ насъ такъ часто употреблять ихъ, какъ французы свои monsieur, madame, mademoiselle? Если же кто захочетъ придать своей рѣчи особенно вѣжливый характеръ, то для этого есть одно очень хорошее словцо, признаваемое, правда, не бонтоннымъ,—это **съ** (**словоерсъ**, какъ его называетъ Тургеневъ), которое мы слышимъ напр. въ выраженіяхъ: нѣтъ-съ, да-съ. Къ тому же это **съ** очень благороднаго происхожденія: оно упростилось изъ сударь, сударыня, которыя уже встарину не договаривались, а имѣли лишь одинъ слогъ **су**: Иванъ-су, Василей-су *); дальнѣйшимъ упрощеніемъ этого **су** явился теперешній **съ**.

2. Къ чему нападать на такія слова иностранныя, которыя въ русскомъ языкѣ не могутъ быть замѣнимы однимъ словомъ, а лишь описательно, цѣлымъ выраженіемъ? Возьмемъ напр. **фактъ**, которому сначала нѣмцы, а потомъ русскіе, заимствовавшіе у нихъ это слово, присвоили значеніе несомнѣннаго, дѣйствительно случившагося события. Но опять не слѣдуетъ злоупотреблять такими словами. Такъ этимъ же словомъ „фактъ“ нѣкоторые замѣняютъ русскія дѣло, событіе, происшествіе, случай, явленіе, поступокъ. Вообще коль скоро иностранное слово употребляется въ различномъ смыслѣ, то удобнѣе ужъ употребить и описательное русское выраженіе, чѣмъ иностранное простое. Примѣромъ можетъ служить употребленіе иностраннаго слова **оригиналъ-оригинальный**, которое значитъ подлинникъ, чудакъ; подлинный, своеобразный, чудный странный. Таково же слово **спеціально** вмѣсто нарочно: я звалъ васъ спеціально для этого; зданіе спе-

*) А будетъ кто молвитъ, что такъ жестоко, ино-*су* совѣтъ дати... (Посланіе И. Грознаго въ Кирилло-Бѣлоз. монастырь).

ціально построено для школы. *Спеціальный* собственно должно употреляться для обозначенія книгъ или занятій, противоположныхъ популярнымъ, общедоступнымъ, диллетанскимъ.

3. Нужно остерегаться принимать такія иностранныя слова, которыя представляютъ звуки, или сочетанія звуковъ, не свойственныя языку русскому, какъ ***цейхгаузъ***, ***почтамтъ*** и цѣлый легіонъ глаголовъ на ***ировать***: импровизировать, игнорировать, формулировать, конкурировать и т. д., представляющихъ двойное искаженіе: французское слово видоизмѣнено сначала нѣмецкою формою на iren, а потомъ прибавлено еще русское ***овать***. Если ужъ никоимъ образомъ нельзя избѣжать этихъ словъ, то противъ ихъ неблагозвучности есть одно очень простое средство, къ которому часто прибѣгаютъ въ нѣкоторыхъ иностранныхъ языкахъ, а въ русскомъ съ успѣхомъ пользуется простой народъ— это передѣлка иностранныхъ словъ на русскій ладъ. Напр. изъ латинскаго breve у нѣмцевъ получилось Brief, французское aventure превратилось въ Abenteuer, представляющія чисто нѣмецкія звуки, хотя, напр., въ послѣднемъ нѣтъ ничего общаго съ понятіями Abend и theuer. Такъ и въ русскомъ языкѣ нѣмецкое Teller превратилось въ ***тарелка*** греч. φεβρουάριος въ ***февраль***, κλῆρος въ ***крылосъ***, προσφορά въ ***просвирп***, а въ народномъ языкѣ почтамтъ—въ ***почта***, партретъ — въ ***патретъ***(*). Словомъ, нѣтъ особенной нужды возставать противъ измѣненія иностранныхъ словъ: съ ними нужно поступать, по выраженію одного грамматика (Андрея Штохля), какъ съ иностранными подданными, поселившимися въ чужой землѣ: какъ эти послѣдніе обязаны подчиняться законамъ той страны, въ которой поселились, такъ и иностранныя слова должны подчиняться законамъ того языка, который пріютилъ ихъ. Но скажутъ, измѣняя иностранныя слова, мы затемняемъ ихъ смыслъ?—Это такъ; но нужно ли знать происхожденіе и первоначальный смыслъ иностранныхъ словъ? На это положительно можно отвѣтить, что не надо: знать этимологію иностранныхъ словъ необходимо напр. для науки, но для жизни нужно знать лишь предметъ, обозначаемый иностраннымъ словомъ. Вдобавокъ иная этимологія слова лишь собьетъ насъ съ толку: если напр. кто-нибудь опредѣлитъ точную этимологію слова ***галстукъ***, то онъ, пожалуй, за галстукъ станетъ считать

*) Еще нѣсколько передѣланныхъ словъ: *высокосный* (bissextus), курлесить (κύριε ἐλέησον), шалопай (chenappant).

и шейный платокъ деревенской бабы; или ***сюртукъ***,—онъ собственно значитъ, что надѣвается поверхъ всего, т. е. пальто; или ***коридоръ*** буквально значитъ скаковая лошадь (*)

Мы до сихъ поръ старались доказать, что иностранное слово не должно вносить разстройства въ этимологію пріютившаго его языка; тѣмъ менѣе оно должно нарушать синтактическій строй чужого языка. А между тѣмъ это требованіе нарушаютъ слова несклоняемыя: ***пальто***, ***трико***, ***трюмо***, ***кофе***, ***колибри*** и под. Не склонять подобныя слова, это—просто нарушать самыя элементарныя правила русскаго языка. Выставлять на видъ то обстоятельство, что во французскомъ языкѣ эти слова совпали въ одной общей падежной формѣ и поэтому, не измѣняясь во французскомъ, не должны склоняться и въ русскомъ—совершенная непослѣдовательность: во французскомъ разные оттѣнки падежей выражаются предлогами, чего нѣтъ въ русскомъ языкѣ. Напротивъ того, въ русскомъ языкѣ какое-нибудь пальто́ по окончанію ничѣмъ не отличается отъ слова сѣдло́, сукно́ и поэтому и склоняться должно, какъ эти слова, иначе говоря, такъ, какъ дѣлаетъ простой народъ, незнакомый съ мудрованіями русскихъ грамматистовъ, желающихъ подчинить русскую рѣчь французской грамматикѣ; а онъ слово пальто измѣняетъ: пальта́,-у́,-о́мъ и т. д. Если же мы говоримъ: „зимою безъ пальто ходить нельзя,“ то вмѣсто родительнаго падежа послѣ *безъ* ставимъ винительный, или именительный, чего со всякимъ другимъ словомъ не рѣшится сдѣлать ни одинъ русскій. Тутъ могутъ возразить: склонять пальто и подобныя слова легко, но какъ же склонять какое-нибудь ***шоссе***, ***колибри***? И здѣсь есть простой исходъ, къ которому прибѣгалъ Ломоносовъ, а потомъ отчасти и Пушкинъ: они прибавляли къ такимъ словамъ русское окончаніе: такъ у Пушкина мы читаемъ кофей, кофея и т. д., чичеро́нъ вмѣсто чичероне. Также слѣдуетъ измѣнять и шоссей, колибрій. Вообще какъ мы допускали возможность нѣкоторой

*) Къ счастью въ русскомъ языкѣ не привился обычай подлиннаго (буква-въ-букву) начертанія иностранныхъ словъ, какъ это напр. практикуется въ языкѣ нѣмецкомъ. Конечно, сохраненіе иностраннаго написанія удобно для пишущихъ, но затруднительно для читающихъ. Одинъ русскій въ Берлинѣ спрашиваетъ въ магазинѣ карточку Тьера (Thiers). „Тьера? Такого у насъ нѣтъ“.—„Да вотъ же онъ стоитъ на выставкѣ!“— „Ахъ, старикъ Тирсъ! Онъ-то у насъ есть!“ (Изъ ст. Р. Брандта).

переделки корней въ иностранныхъ словахъ, такъ же должны признать законнымъ и перемѣну окончанія въ угоду русскому языку. Вспомнимъ, какъ поступали съ латинскими словами галлы: у нихъ вмѣсто aquila явилось aigle, или нѣмцы изъ древнегерманскаго saivala сдѣлали Seele а изъ лат. templum-Tempel, изъ scribere-schreiben, которому даже придали свою своеобразную флексію въ прошедшемъ вр. schrieb. Вѣдь, мы прибѣгаемъ къ иностраннымъ словамъ для выраженія нашихъ мыслей, а не для того, чтобы блеснуть знаніемъ ихъ, какъ дѣлаютъ нѣкоторые, кстати и некстати употребляя иностранныя слова и часто даже не впопадъ, лишь бы порисоваться хитрымъ иностраннымъ словечкомъ. Всѣмъ извѣстно мѣсто въ послѣдней главѣ „Мертвыхъ душъ“ Гоголя, гдѣ приказчикъ ищетъ для Чичикова сукна съ искрой оливковаго, или бутылочнаго, приближающагося, такъ сказать, къ брусникѣ цвѣта. Когда приказчикъ залѣзъ ужъ слишкомъ высоко, то гостинодворецъ кричитъ на него: „Что ты вѣчно выше своей сферы, точно ***пролетарій*** какой?“ Очевидно краснорѣчивый купецъ производилъ пролетарій отъ русскаго пролетать.

Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что нечего особенно ратовать противъ иностранныхъ словъ, но ихъ слѣдуетъ употреблять лишь тогда, когда настоитъ въ томъ крайняя необходимость; при другихъ условіяхъ иностранныя слова не только не украшаютъ русской рѣчи, не только не свидѣтельствуютъ объ образованности употребляющихъ ихъ лицъ, напротивъ того, они портятъ нашу рѣчь, налагая на нее незаслуженный упрекъ въ бѣдности, а лицъ, безъ разбора употребляющихъ ихъ, клеймятъ позоромъ незнанія богатствъ родной рѣчи.

Все, кажется, сказано относительно мѣста и значенія иностранныхъ словъ въ русскомъ языкѣ. Мы почтемъ себя счастливыми, если хотя приблизительно исполнили нашу задачу и не утомили вашего благосклоннаго вниманія.